

К 90-летию со дня рождения народного артиста СССР Бюль-Бюля

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДАР ХУДОЖНИКА

Как бы я ни спешила, но, услышав его пение, невольно замираю на месте. Слушаю, боясь пропустить хоть одну фразу, знакомое, но всегда новое слово. Из тысячи самых разных, самых прекрасных теноров я узнаю этот голос с его неповторимым тембром, красотой, мощью. Ни у кого я не слышала такого «фермато» — умения тянуть ноту до бесконечности, не переводя дыхания. Виртуозное мастерство было лишь средством для выражения глубочайших человеческих чувств — от безысходной трагедии до светлой, лучезарной лирики.

Да, по масштабу, самобытности таланта не было ему равных в Азербайджане. Но значение творчества художника выходило далеко за пределы родной республики. Приведу некоторые свидетельства этого:

«Чарующее пение азербайджанского соловья звонко разносится по всей Советской земле», — писал композитор Вано Мурадели.

«Огромный талант, упорный труд сделали вас выдающимся художником, которого знает, любит весь наш народ...», — отмечал Сергей Лемешев.

«Замечательному мастеру, блестящему исполнителю - вокалисту, неповторимому Бюль-Бюлю, беззаветно служащему советскому искусству, шлю наилучшие пожелания», — писала Татьяна Сазандарян.

Имя Бюль-Бюля было окружено легендами. Оно само по себе необычно — Бюль-Бюль, то есть соловей. Так был прозван с самого детства сын кожевника Рзы Ма медова за поразительную способность подражать соловьям, выводить трели и рулады. Более того, утверждали, что, когда начинал петь мальчик, все соловьи родного его города Шуши, признавая себя «побежденными», замолкали. Это, конечно, шутка. Но все равно уже тогда было ясно, что мальчик наделен необыкновенным талантом. Природа очень щедро одарила Бюль-Бюля, с восьми лет он стал выступать, как ханенде на свадьбах и различных торжествах. Он пел народные песни и мугамы так, что заставлял плакать или смеяться умудренных опытом слушателей и музыкантов, своих старших коллег. С годами детское прозвище превратилось в артистический псевдоним, подчеркивавший исключительность его дарования.

С первых дней установления Советской власти раскрываются организаторские способности Бюль-Бюля, жившего тогда в Гяндже. Он, член уездного комитета комсомола, председатель Союза РАВИС Гянджи, формирует бригады по культурному обслуживанию населения, занимается организацией музыкально-театрального дела. Стремясь получить специальное образование, он едет на учебу в Баку, в Азербайджанскую консерваторию. После ее окончания Бюль-Бюль был послан правительством Азербайджана совершенствоваться в Италию. Журнал «Арте Ностра» рассказывал о «вокалисте из мусульманского мира», который «со специфического восточного пения перешел на европейскую школу вокала и в совершенстве освоил ее».

Я хорошо помню, каким триумфом было возвращение Бюль-Бюля из Италии, каким праздником искусства становился каждый его концерт, каждая роль на сцене Азербайджанского театра оперы и балета имени М. Ф.

Ахундова, ведущим солистом которого он был.

И не удивительно, что именно на него писал партию Кер оглы в своей опере Узеир Гаджибеков. Мне посчастливилось принимать участие в рождении спектакля, исполнять в нем по ходу действия танцы, и я видела, с какой страстью и с какой тщательностью одновременно работал над ролью Бюль-Бюль. Премьера оперы в Баку, а затем ее показ в программе Декады азербайджанского искусства в Москве в 1938 году принесли исполнителю главной партии небывалый успех.

И что интересно, труднейшую партию Кер оглы на той же сцене Большого театра в Москве артист пел 21 год спустя, в шестьдесят с лишним лет. «До глубины души потряс меня народный артист СССР Бюль-Бюль. Сейчас он исполняет партию Кер оглы так же хорошо, как два десятилетия назад. Великолепный голос, замечательное актерское мастерство не изменили ему», — писал Соловьев-Седой. Творческое долголетие, сохранившаяся мощь голоса и молодое обаяние таланта артиста дали возможность Леониду Утесову бросить фразу, которая стала крылатой: «Соловья судят не по возрасту, а по пению».

Бесспорно, у Бюль-Бюля была великолепная вокальная школа, благодаря которой возраст в голосе не давал себя знать. Но я, несколько лет проработав с ним в одном театре, четверть века прожив с ним в одном доме, наблюдала, как готовил себя артист к каждому выступлению. За несколько дней он начинал думать о роли, за четыре часа до спектакля приходил в артистическую, по мере того, как одевался, гримировался, все глубже погружался в себя. И появлялся на сцене не Бюль-Бюлем, а настоящим Кер оглы, страдающим сыном Алы, нежным возлюбленным Нигяр, героическим предводителем народа. Тут было чему учиться у него окружающим, особенно молодежи.

Образ Кер оглы — вершина творчества Бюль-Бюля, но было у него немало и других художественных открытий на оперной сцене. Он великолепно пел Аскера в «Аршин мал алане» Узеира Гаджибекова, Ашиг Гариба («Шах Сэнэм» Глиэра), Алияра («Наргиз» Магомаева), Саро («Ануш» Тиграняна), Аслана («Вэтэн» К. Караева и Дж. Гаджиева)... Блестательной страницей его творческой биографии было исполнение народных мелодий, песен композиторов Азербайджана.

И вместе с тем Бюль-Бюль — человек беспокойный, активный, чувствовал себя в ответе не только за

личные успехи. Он болел душой за все искусство.

Организовав «Никмуз», кабинет по собиранию и изучению фольклора, он вовлек в его работу самых разных специалистов. Опытнейшие знатоки народного творчества, такие, как Джаббар Карягды, Курбан Примов, с его помощью передавали молодым музыкантам свой опыт и знания. Начинающие композиторы по его заданию отправлялись в разные районы республики для записи старинных народных мелодий. Композиторы Кара Караев, Джевдет Гаджиев, Тофик Кулиев, Закир Багиров и многие другие с благодарностью говорили о Бюль-Бюле, сыгравшем определенную роль в их профессиональном становлении. Именно Бюль-Бюлю обязано искусство появлением на свет произведений принципиально нового жанра — симфонических мугамов «Шур» и «Кюрд овшары». Их автор, композитор Фикрета Амррова певец познакомил с целой сокровищницей народных мелодий, многие из которых вошли в симфонические мугамы.

Много сил как профессор консерватории отдавал он подготовке кадров певцов, вдумчиво занимался исследовательской работой, принимал участие в научно-педагогических конференциях, посвященных воспитанию вокалистов.

Человек щедрой души, Бюль-Бюль не знал зависти, он умел искренне радоваться чужому успеху. Собственно, он не считал его чужим, он воспринимал каждое достижение в азербайджанском искусстве как свою радость. Помню, каким счастьем светилось его лицо после премьеры «Девичьей башни», как горячо поздравлял он композитора Афранияба Бадалбейли с рождением первого азербайджанского балета. А мне, исполнительнице главной партии, он преподнес огромную, в человеческий рост, корзину цветов и сказал слова, которые я до сих пор берегу в памяти.

Помню, как торжественно проходил его шестидесятилетний юбилей. Бюль-Бюль сидел в большом кресле, на возвышении сцены Театра оперы и балета, а перед ним был полный зал людей, желавших выразить ему в этот день свою признательность и любовь. Мне, сидевшей по правую руку от именинника и принимавшей подарки, адреса и цветы от сотен людей, десятков коллективов, довелось во всей полноте ощутить глубину народной любви к великому артисту.

Спустя четыре года азербайджанский народ, советское искусство понесли невосполнимую потерю: не стало замечательного человека и художника. Это случилось четверть века тому назад. Пророческими оказались слова, которые сказал еще при жизни Бюль-Бюля Иван Семенович Козловский: «Имя Бюль-Бюля, его знания, его вкус будут жить в грядущих поколениях...». Мы уже тому свидетели. Вот и сейчас сколько людей, бакинцев и гостей столицы Азербайджана, музыкантов и любителей искусства, идут в мемориальный музей-квартиру выдающегося певца, чтобы встретиться с ним, как с живым, чтоб еще раз пережить радость прикосновения к миру творчества лауреата Государственной премии СССР Бюль-Бюля.

Гамзр АЛМАСЗАДЕ,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной премии СССР.